

Иностранное тело

AP
SUPINE

Пациенты:

Анна Толкачева

Leo Vollmond

ID: 24052024-01

Счастливый билет

10cm

KVP: 80

mAs: 32

DAP: 86.7 uGy*m²

WC: 4096

WW: 2048

Анна Толкачева
Leo Vollmond

24.05.2024

14:32:11

Hosp. 18+ 5.7
Radiology Dept.
Film No. 1

Leo Vollmond

Счастливы́й билет

<https://litres.ru/74337388>

SelfPub; 2026

Аннотация

Родион Раскалиев вкалывал в ночной забега́ловке, чтобы не брать у матери ни копейки. Его план был прост: купить справку о переводе, вырваться из общаги, начать жизнь заново. План рухнул в тот момент, когда он понял, что справка – подделка.

Когда он увидел Семочку Мя́рмелова, которого двое гопников забивали у стены гаража, он мог пройти мимо. Он должен был пройти мимо – у него самого в кармане лежала улика, от которой пахло кровью. Но он вмешался, потому что идиотская привычка спасать других была у него в крови.

Теперь они делят одну комнату в общежитии, одну тайну и один план. И спорят, кто из них идиот и кто чей счастливый билет.

По мотивам Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание". Все совпадения случайны, все события вымышлены.

Содержание

Глава 1. Справка	4
Глава 2. Курьер из Самоката	12
Глава 3. Встреча у общаги	21
Глава 4. Ты теперь моя игрушка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Leo Vollmond

Счастливый билет

Глава 1. Справка

Общага пахла всегда одним и тем же – куревом, варёной картошкой, хлоркой, – и запах этот въелся в стены так плотно, что выветрить его не смогли бы никакие сквозняки. Родион толкнул дверь плечом: замок опять заедал. В холле под лампой дневного света метнулся в сторону плинтуса жирный таракан, застигнутый врасплох сквозняком. Была половина восьмого утра. Куртка за плечом пропиталась фритюром так, что на ней, наверное, можно было зажарить картошку ещё раз, без масла, – восемь часов в «Огоньке», заведении на выезде из города, где по ночам жарили беляши для дальнбойщиков и куда приезжали местные разбираться, кто кому должен за прошлую пятницу. Поднос, ещё поднос, «мальчик, принеси добавки», и автобус под конец – тот, что приходит раз в сорок минут и всегда битком.

Он хотел только одного: помыться и упасть.

Душевая на этаже гудела так, будто там шла не помывка, а собрание парламента. Пар клубился под потолком, и в этом молочном тумане Родион различил две фигуры – стояли друг напротив друга, наперевес мочалками.

– Брат, ты чё, совсем? Трусики надень! Не положено голым мыться, стыд-то есть?

– Где не положено? Покажи мне это в Коране, покажи! Нету там такого! Ты хадисы придумываешь, братан!

– Да я тебе покажу сейчас!

Мочалка полетела через полкабинки – метнул её невысокий, с татуировкой волка на плече. Второй увернулся, поскользнулся на мыльной луже и впечатался в пластиковую перегородку с таким звуком, будто кто-то щёлкнул исполинскими пальцами. Шлёпанцы разлетелись, один угодил прямо под ноги Родиону.

Он поднял его молча, положил на бортик, не глядя ни на кого, и протиснулся мимо дерущихся к свободной лейке в дальнем углу, туда, где кафель уже отходил от стены и торчал ржавый штырь – все обдирали о него локти. Вода шла чуть тёплая, с перебоями, будто сама сомневалась, идти ей или нет. Родион стоял под ней с закрытыми глазами. Что такое хадисы, он понятия не имел. Он думал не о татарах, а о справке в кармане куртки, свёрнутой вчетверо, уже слегка промасленной по краю.

Спор за спиной постепенно стих: видимо, стороны сошлись на том, что ислам этот вопрос не регламентирует, а вот администрация общаги вполне может, если вода не перестанет литься подобным образом.

В деканате пахло нагретым тонером – этот запах Родион

давно научился связывать с любым разговором о собственном будущем.

Методист, женщина неопределённого возраста с вечно поджатыми губами, взяла его документ так, будто ей протянули использованный носовой платок.

– Молодой человек, это что?

– Справка. О переводе. В другой вуз.

Она повертела бумагу, поднесла к свету, зачем-то понюхала – привычка, приобретённая за годы работы с иностранными студентами и их изобретательностью.

– Исполнитель-то уже как месяц фамилию поменяла, и номера телефонов старые. Это вам когда еще давали? Неделю как зарегистрировано? Хм, странно.

Методист вертела справку в руках и изучала с явным недоверием.

Вот-те здрасти! По ходу Родиона успели хорошенько поиметь и подсунули ему липу. Надежда, конечно, еще оставалась, но у народа в деканате глаз наметанный: сразу считают, что им принесли подделку. Родион за эту бумажку столько бабок выложил, что подделка-нет – для него эта справка оставалась бесценной, в отличие от шкуры той, кто ему ее продал. Бабка, ободравшая его до нитки.

Родион отчетливо представил, как сжимает эту шею, как кости хрустят под пальцами, как она хрипит, – и от этого стало горячо в животе, тошнота подкатила к горлу, но он только сжал челюсти так, что заныли зубы. Картинка исчезла так

же быстро, как появилась, оставив после себя горечь во рту и влагу под мышками. Пальцы правой руки сами собой сжались в кулак, ногти впились в ладонь – боли он не заметил. Секретарше он не ответил. Просто сидел, пока она набирала номер внутреннего телефона, и понимал: всё, поезд ушёл, вагон сгорел вместе с рельсами.

Свидригайлов появился из своего кабинета неторопливо, будто у него было запасено на этот выход отдельное количество времени, не пересекающееся со временем остальных людей. Высокий, с гладким, чуть одутловатым лицом человека, который спит достаточно и не стыдится этого, он взял справку двумя пальцами – как дохлую мышь за хвост.

– Ну что, Раскалиев. – Фамилию он произнёс с той специфической интонацией, с которой обычно читают приговор мировые судьи. – Опять шедевры кустарного производства. Кто вам продал? Хотя не отвечайте, мне не интересно, мне интересно другое: что мне теперь с вами делать. У вас долг по двадцати трём предметам, посещаемость восемнадцать процентов, и теперь ещё поддельный документ в личном деле. Знаете, что за это бывает?

– Отчисление, – сказал Родион ровно.

– И выселение. И снятие с миграционного учёта, потому что регистрация у вас, молодой человек, привязана к статусу студента, а не к статусу человека, которому просто хочется жить в нашем городе. Всё просто, как в учебнике.

Внутри что-то оборвалось – не больно, глухо, как падает

мешок с песком. Ладони стали мокрыми за секунду. В горле пересохло, он сглотнул – слюны не было, только сухой ком, который не проглатывался. Звон в ушах нарастал, перекрывая собственное дыхание – неровное, сбитое, с хрипом на выдохе.

У стены топтался ещё один. Родион заметил его только сейчас – парень лет двадцати, с мягкими светлыми кудрями, лезущими из-под вязаной шапки, съехавшей на затылок. Куртка была ему велика: плечи тонули в синтепоне, рукава закатаны в три оборота, из-под них торчали тонкие, почти прозрачные запястья. Он переминался с ноги на ногу, мусолил край дешёвого клетчатого шарфа с выбившимися на углу нитками. Пальцы, белые и длинные, крутили пуговицу на куртке – туда-сюда, туда-сюда, будто заводили механизм. Лицо бледное, с румянцем на скулах, который не выглядел здоровым – скорее следом от ветра или лихорадочным жаром. Губы бледные, сухие, с заедой в уголке. Ресницы длинные, светлые, почти невидимые, но когда он поднимал глаза на декана, в них было что-то отчаянное и одновременно виноватое – как у щенка, который нагадил на ковёр, знает, что его сейчас отругают, и всё равно надеется на поглаживание.

К столу декана он подступил не заискивающе, а боком, будто боялся занять слишком много места. Голос оказался тонким, с хрипотцой, будто он не спал несколько ночей или только что плакал.

– Аркадий Иванович, а я вот по поводу восстановления, я

же... я всё выплачу, у меня работа наклёвывается... – Слова вылетали быстро, почти скороговоркой, и в конце он сглотнул: острый кадык дёрнулся на тонкой шее.

Декан, не оборачиваясь, бросил:

– Мармялов, вас отчислили за долги три месяца назад. Три раза восстанавливали. Идите домой.

Парень дёрнулся, как от пощёчины. Пальцы перестали крутить пуговицу и замерли на ней, сжавшись в кулак. Он попытался улыбнуться: уголки губ поползли вверх, дрогнули, не доехали до конца и застыли в гримасе, одновременно просительной и потерянной.

На верхней губе выступили мелкие, прозрачные капли пота. Он не вытер их, только моргал часто-часто, будто пытался согнать слёзы, которых не было.

Как такого вообще взяли в университет, думал Родион. Парень выглядел так, будто его сдувает ветром, будто он сам не знает, как оказался здесь, и просто ждёт, когда его погонят, чтобы уйти тихо, не хлопая дверью.

– Идите оба. Раскалиев, жду вас у себя завтра к десяти, будем разговаривать про отчисление предметно. И совет: в следующий раз, когда решите платить кому-то за справку, платите не старушкам из микрозаймов, а хотя бы юристу. Дешевле выйдет в перспективе.

Он развернулся и ушёл в кабинет, прикрыв за собой дверь.

Как он дошёл до комнаты, Родион не помнил. Помнил

только: сосед-вьетнамец уже свалил на пары, койка свободна, и он упал на неё.

Бабка. Инесса Яковлевна. «Оформлю переводом, дорогой, всё по-белому, у меня знакомство в другом университете», – говорила она, пересчитывая купюры сухими, будто из наждачной бумаги, пальцами. Он отдал ей всё, что скопил за два месяца разноса беляшей, до последней тысячи. И получил бумажку, которая теперь стоила меньше, чем салфетка, на которой её напечатали.

Он найдёт её. Не сегодня – сегодня тело отказывалось быть инструментом мести, требовало только горизонтального положения и темноты.

Сон пришел быстро. Яркий и отчетливый. Родиону снился принтер. Старый университетский HP LaserJet, из тех, что печатают с гулом, будто внутри работает маленькая швейная фабрика, стоял посреди актового зала, а вокруг собрались студенты – все курсы, все факультеты, даже те, кого Родион никогда не видел живьём. Принтер должен был напечатать дипломы. Он печатал их медленно, лист за листом, с переко-сом, иногда зажёвывая бумагу с тем душераздирающим звуком, с которым, наверное, умирают мелкие грызуны.

Свидригайлов стоял рядом в идеально отглаженном костюме и с каждым новым зажёванным листом бил принтер ногой – аккуратно, без раздражения, будто выполнял давно заведённый ритуал. Носок ботинка глухо впечатывался в пластиковый корпус, крышка отлетала, свисали какие-то ше-

стерёнки, а декан бил снова и снова, приговаривая ровным лекторским голосом:

– Быстрее. Быстрее. У нас план по выпуску.

Студенты стояли молча, никто не вмешивался. Родион во сне тоже стоял в этой толпе и почему-то держал в руках свою фальшивую справку, и с ужасом понимал: если сейчас предъявит её декану, тот и его начнёт бить ногами так же ровно, так же методично, под тот же ритм, с той же интонацией: «Быстрее. У нас план по выпуску».

Принтер издал последний скрежещущий вздох и умер, выплюнув напоследок пустой лист бумаги, девственно белый.

Родион проснулся резко, весь в поту, с ощущением, что проспал не три часа, а три года, и что где-то в городе, в конторе с плохим шрифтом на стенде, сидит старуха, которая понятия не имеет, что он уже решил её найти.

Глава 2. Курьер из Самоката

Смена началась в семь. Планшет, синяя ветровка с логотипом, двадцать два заказа на первом часу. Как он ехал по утреннему городу, Родион не помнил – запомнил только, что воздух пах бензином и мокрым асфальтом: за ночь прошёл дождь, город ещё не просох.

Рассекая колесами убитого велосипеда лужи, Родион уже представлял, как делает из бабки бешбармак.

Не ее поиски ушло три вечера. В первый он стоял напротив её конторы, за углом, где пахло кислым кофе со жжеными тараканами из Шоколадницы, и ждал, когда она выйдет. Вышла в половине седьмого – очки на цепочке, поплёскивающей при каждом шаге. Родион пошёл следом, держась на расстоянии, и собственные шаги тонули в гомоне вечернего города. Она зашла в торговый центр с бутиками на первом этаже, куда никто и никогда не заходил, если на карте не лежало свободных пару сотен тысяч.

Родион остался ждать на лавке, тычась в приложение доставки и поглядывая на вход. Только через пару часов до него дошла вся тупость его затеи: у ТЦ было несколько выходов, включая выход на парковку цокольного этажа, откуда бабка могла уехать на такси или на своей машине.

На второй день он взял велосипед. Ждал у входа в контору с восьми утра, сжимая руль так, что потели ладони. На

этот раз она вызвала такси, белую «Шкоду», и Родион едва успел оторваться от тротуара, чтобы не потерять её из виду. Такси петляло по переулкам, ветер свистел в спицах, цепь скрежетала о переключатель скоростей. Она вышла у старого дома с лепниной и коваными решётками. Он остановился в пятидесяти метрах, спрятался за припаркованным фургоном и видел, как она открывает подъезд ключом. Запомнил номер дома и название улицы.

На третий вечер он сидел на скамейке напротив подъезда – в той же синей куртке, козырёк бейсболки на глаза. Внутрь не входил. Открыл приложение «Самокат» для правдоподобности своего нахождения в одной точке. Бабка опять вернулась домой под вечер: вышла из такси с кучей бумажных пакетов с золотым тиснением – явно из тех же бутиков первой линии, где гуляла вчера. Она вошла в подъезд.

Родион встал на углу дама, чтобы сразу видеть с какой стороны и на каком этаже зажжется свет. Дождался. Пятый этаж. Зная расположение квартир в типовых новостройках, ему не составило труда рассчитать номер квартиры.

Он закрыл приложение, убрал телефон в карман. Окна пятого этажа долго не гасли: там горел свет, на подоконнике стоял цветок в горшке – герань, красная, как запёкшаяся кровь.

Сегодня утром, увидев в списке доставки её заказ – гречка, курица, «Боржом», тот же адрес, квартира сорок два, – он понял, что больше не будет ждать.

Поднимался по лестнице пешком, чтобы не шуметь лифтом, и каждая ступенька отдавалась в икрах тупой болью. Запах курева и Шанелевской Пятерки густел с каждым этажом. Пакет с продуктами в левой руке, правая сжата в кулак и спрятана в карман, чтобы не дрожала. В голове крутился один вопрос: что она скажет, когда увидит его. И что он скажет ей.

Дверь открылась почти сразу. На пороге стояла Инесса Яковлевна. Но не старуха с очками на цепочке, которую он помнил, а женщина лет сорока пяти, может, около пятидесяти, с гладкой кожей, стянутой у висков и скул так туго, что она блестела, как натянутый полиэтилен. Губы припухшие, неестественно ровные, будто их нарисовали прямо на лице. Выкрашенные в платиновый блонд волосы в гульке на макушке открывали уши с бриллиантовыми гвоздиками. На шее – кольцо с сапфирами, лежащее на ключицах, как холодная змея.

Шёлковый халат фиолетового цвета, вышивка золотой нитью на воротнике и манжетах. В руке – айфон в розовом чехле со стразами. Длинные наращённые ногти с ярко-красным покрытием постукивали по экрану.

– Здравствуйте, – сказал Родион. Голос не дрогнул, хотя под ветровкой по спине катился холодный липкий пот. – Ваш заказ. Самокат.

Она прищурила глаза с растушеванным татуажем, морщинки вокруг них не собирались, потому что кожа не соби-

ралась никуда: намертво приклеена к скулам, – и растянула губы. Улыбка не коснулась глаз.

– Ой, спасибо. Поставьте сюда, на тумбочку.

Она отошла вглубь квартиры, и Родион шагнул внутрь без разрешения. Дверь за ним закрылась сама, он толкнул её пяткой, не глядя. В прихожей пахло Шанелью с теми бобами тонка, что отдают кошачьей мочой и почему-то так любимы всеми бабками и кремом с ненавязчивой, натуральной отдушкой, какая бывает только у дорогих брендов.

Гостиная была большой, с высокими потолками и хрустальной люстрой, свисавшей как сталактит. На стенах – картины в золотых рамах, пейзажи с лебедями и фонтанами. На столике у кресла – открытый ноутбук, на экране таблица с цифрами. Рядом чашка с недопитым чаем и коробка конфет «Рафаэлло», наполовину пустая.

– Ну здрасти, госпожа Абрамова, – едко выдавил Родион и опустил пакет на тумбочку, но не отошёл. Встал между ней и дверью.

Она, наконец, посмотрела Родиону в лицо, ведь обычно те, кто живет в таких ЖК «Новостройка-бизнес-класса» в лицо курьера никто не смотрит.

– Меня помните? За справочку на днях вам неплохо занес. Двести косых за липу. Оверпрайс, не находите?

Её пропитанное ботоксом лицо не менялось: мышцы потеряли возможность отражать эмоции. Только губы, накачанные, блестящие от бальзама, сложились в удивленное

«О».

– Вы, молодой человек, мягкое с теплым путаете, – кончик розового языка скользнул по губам. – Вы просили справочку – я оформила, а уже кто там на другом конце провода решил вас нагреть, не моя печаль.

– Двести косых! – повторил Родион. – Вы сказали – перевод по-белому сделаете, у Вас знакомый в Рязани, если он вообще существует!

Она усмехнулась. Коротко, сухо – так ломается сухая ветка.

– Мальчик, – сказала она с презрением, что у Родиона похолодели ладони. – Что мне дали, то я тебе и передала. Это ты пытался в ход липовый документ пустить... А теперь пришел с меня деньги вымогать.

Она подошла к креслу, села, откинулась на спинку, как королева на трон. Халат распахнулся на коленях, открывая бледные ноги с натёртыми пятками. Взяла телефон, открыла «Госуслуги». Палец с красным ногтем и маленьким бриллиантовым кольцом на безымянном забегал по экрану.

– Ты в курсе, что это уголовка по двум статьям? – спросила она, не поднимая глаз от экрана. – Но это районный прокурор разберется. Там, в приложении, всё быстро. Шаг первый – выбрать отделение. Шаг второй – написать текст. «Курьер Самоката, имя неизвестно, требует деньги под угрозой...» Как там тебя зовут?

Жирные буквы на экране, белый фон, синяя шапка прило-

жения. «Заявление о вымогательстве». Лицо горело. Пальцы сами собой сжались в кулаки, но двинуться он не мог. Он стоял, а она набирала текст, и внутри что-то ломалось, трещало, как лёд на реке весной.

– Да ты на понт берешь, – голос Родиона осип.

– Рискнешь проверить? – Она подняла голову, серые глаза с сеточкой лопнувших сосудов в уголках встретились с его. – Смотри, осталось нажать «отправить».

Она повернула к нему экран. «Гражданин, представившийся курьером, проник в мою квартиру и под угрозой...» Дальше не дописала.

И внутри у Родиона что-то лопнуло – тёмное, жившее в нём много лет. Как шагнул вперёд, он не помнил. Рука потянулась к столику, пальцы сомкнулись вокруг тяжёлой бронзовой статуэтки. Он замахнулся и ударил.

– Сссука, – выдавил он сквозь зубы.

Статуэтка вошла в висок с глухим, влажным звуком, как кусок мяса падает на разделочную доску. Бабка не вскрикнула: глаза расширились на долю секунды и погасли. Она сползла с кресла, как кукла, у которой перерезали нитки. Сжимавшая айфон рука дёрнулась, и он беззвучно упал на ворс ковра.

Родион не дышал. Статуэтка отяжелела в руке, на ней поблёскивало алое пятно. Бабка лежала на боку, головой к нему. Висок с местом удара вдавлен, кровь медленно выступала из раны и пропитывала ворс ковра. Глаза открыты, об-

ращены в потолок.

За спиной завопила сирена, Родион выронил статуэтку. А? Чо? Где?

Как? Так быстро? Кто сообщил? Мне нельзя в тюрьму!

Родион вышел на трясущихся ногах вышел в коридор, где отзвонил домофон. Опустив глаза, Родион посмотрел на свои руки. За входной дверью послышался щелчок замка, затем собачий лай какой-то мелкой псины, грубое хозяйское «тихо, сук» и удаляющиеся шаги.

– Зачем, – сказал он вслух. Голос был чужим, плоским, будто говорил кто-то другой из его горла. – Зачем ты нажала, дура.

Он опустился на колени, ворс под ними был влажным – кровь уже добралась до джинсов. Потянулся к айфону. Экран всё ещё горел: «Заявление о преступлении». Текст: «Гражданин, представившийся курьером, проник...» Не написала. Не нажала «отправить». Просто хотела напугать. Играла с ним, как кошка с мышью, и проиграла.

Он выключил приложение. Пальцы дрожали так, что дважды промахнулся мимо кнопки. Сунул телефон в карман ветровки. Поднял глаза на её руки. Левая лежала на груди, на безымянном пальце поблёскивало кольцо, тонкое, золотое, с крошечным бриллиантом. Правая – на полу, пальцы растопырены, ноготь среднего сломан о край кресла.

Статуэтку он поднял и сунул в карман куртки. Интересно, сколько она стоит? Получится ли толкнуть оружие убийства?

Стала ли она теперь еще дороже?

– Ограбление, – прошептал он, и слово повисло в воздухе.
– Это должно быть ограбление.

Он огляделся. Квартира большая, дорогая. Ничего из этого ему было не нужно. Нужен был только её палец.

Откуда взялась эта мысль, он не знал. Может, из кино. Может, читал где-то. Но когда подумал об этом, руки перестали дрожать. Он подошёл к бару, на котором стояли бутылки с дорогой выпивкой, которые теперь обрадует разве что оперов убойного, и гильотина для сигар на деревянной подставке. Плеснув на руки namного из бутылки Ред Лейбла, взял ее и вернулся в гостиную.

Он опустился на колени рядом с бабкой, взял ее правую руку. Кожа была тёплой. Пальцы податливо гнулись. Когда он отделил указательный, тот подался без сопротивления, как у спящей. Просунув его в гильотину до сустава между последней фалангой и средней, Родион надавил на рычаг. Кожа треснула легко, как переспелый помидор, но дальше пошли сухожилия – тянулись, пружинили, – и он услышал хруст, с которым кость отделилась от сустава.

Когда палец отделился окончательно, кровь из культи брызнула яркой, алой струйкой и запачкала ковёр. Родион кинул отрезанный палец и гильотину в термосумку доставщика и поднялся.

На улице снова шёл дождь – мелкий, противный, вода стекала по лицу, смешиваясь с потом, и где кончалось одно и

начиналось другое, было уже не разобрать.

Глава 3. Встреча у общаги

Родион бежал, не разбирая дороги, и каждый вдох обжигал горло, точно туда насыпали битого стекла. Кроссовки шлёпали по лужам на асфальте, вода заливалась внутрь, утяжеляя шаг, но остановиться он не мог. Правая рука в кармане куртки сжимала айфон. К горлу подкатывала тошнота.

Мордовское утро было сырым и серым, как старая вата. С крыш капало, с деревьев тоже, воздух пах мокрой листвой и мазутом – кто-то чинил машину у ближайшего гаража. Родион пробежал мимо покосившихся заборов, мимо гаражей с потрескавшейся краской, мимо скамейки, где сидел дед в шапке-ушанке со стареньким пуделем, чьи мутные, но преданные глаза не отрывались от хозяина. Дед проводил его взглядом, но ничего не сказал. Родион не обернулся.

Ему хотелось только одного – добежать до общаги, заскочить в комнату, закрыть дверь, забиться под одеяло и провалиться в темноту. На углу, где асфальт переходил в разбитую плитку, он услышал глухой удар – словно мокрый мешок бросили о стену. Потом ещё один. И сдавленный хрип.

– Чо по бабкам, Сёма? Те чо, еще раз умыть?

Родион притормозил и заставил себя повернуть голову. Стены арки между домами скалились выщербленными зубами кирпичей из-под обвалившейся штукатурки. Асфальт скрывал ковер из стекла и окурков, шприцов и использованных

гандонов. Между двух фигур в спортивных костюмах, сгорбившись на корточках сидел Сема. Кровь текла из разбитого носа и рассечённой брови, Он хватал воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег. Спортивные костюмы на тех двоих – из блестящей синтетики с застиранными белыми полосами по бокам. Первый крупный, с бычьей шеей и руками, болтающимися, как кувалды. Второй пониже, щуплый, с лицом, похожим на застывшее тесто.

Щуплый как раз занёс ногу, чтобы ударить сидящего в грудь.

– Слышь, Сёма, долго морозиться буишь? – петушиным криком потребовал он. – Ты нам баланс пополни, и разбежимся по-братски.

Помяли Сёму знатно: лицо отёчное, левый глаз заплывал сизым синяком, губа разодрана, ответить он не мог – только хрипел и сплёвывал кровь на асфальт.

– Толян, – сказал щуплый, вытирая мысок кроссовка о штанину Семочки, – а давай на обратном пути до «Пятёрочки» домчим, у них беляши по акции? Три по цене двух.

– Видел, – прогудел крупный, доставая из кармана жвачку и медленно её разворачивая, будто у него было всё время мира. – Вчера взял, с курицей. Говно, если честно. Мяса там – одно название на упаковке.

– А я с картошкой люблю, – щуплый снова примерился ногой, но не ударил, будто разговор был важнее. – С капустой не бери, я один раз взял – сырая внутри, хрустит, как будто

прямо с грядки.

Крупный присел на корточки рядом с Семочкой, разглядывая его разбитое лицо с любопытством следока на допросе.

– Сёма, давай по-чесноку, да, брат? Накой у бабки подкормился, если отдавать нечем, а? Знаешь ж, мы тя везде выцепим. Ты чо, совсем конченный?

Семочка попытался что-то прохрипеть, но получился только сдавленный свист.

– Не, ты не ссы, брат, – сказал щуплый, снова заводя ногу. – Мы так-то не на суе. Чо, нам торопиться, рот закрыли и пошли.

Крупный поднял голову и заметил Родиона. На мгновение взгляды встретились. Маленькие, заплывшие глазки, как у хряка в ожидании похлебки.

– Э, пацан, харэ пыриться, топай, – пробасил «Хряк».

Родиону следовало не идти, а бежать без оглядки – в кармане айфон убитой женщины, палец, кровь на куртке, – влезать в чужие разборки редкой тупости идея, но именно она к Роде и пришла:

– А потрахаться вам не завернуть в Сурскую Правду? – решил он, что удачное время иронизировать.

Хряк ухмыльнулся, показывая жёлтые зубы.

– Если Сема у тя в заказе, тогда, за нами будешь.

Щуплый опустил ногу, наклонился к Семе:

– Сема, ты чо, и вашим, и нашим, и мордвам, и чувашам?

– хрюкнул он со смехом.

Отплевываясь от крови, Сема затряс головой.

– Слыхал, падаль, – щуплый снова повернулся к Родиону,
– Чеши по холодку, пока ветер без щепок.

Родион не двинулся. Под мышками намокала ткань, рубашка липла к лопаткам. Он сделал шаг вперёд. Ничего не планируя, просто шаг. Ткань ветровки на кармане со статуктурой натянута. Родион сунул руку в карман, чтобы статуктура не вывалилась.

– Свалили резко, – повторил он, в голосе прорезался хрип.

Хряк переглянулся со щуплым. Не испугались, но какое-то замешательство пробежало по лицам. Хряк вылутился на карман и потянул щуплого за олимпийку, тот на мгновение перестал жевать жвачку.

– Пошли, – сказал хряк, толкнув щуплого в плечо. – Бывай, Сема. Не болей!

Отошли не спеша, сплюнув сквозь зубы густым харчком, и скрылись за углом гаража, оставив запах Святого Георгия и подвальной качалки. Родион слушал, как затихают их шаги, капли с крыши бьют по железу, в груди медленно отпускает.

Семочка сидел у стены и не двигался. Из разбитого носа текла струйка, смешиваясь с грязью на асфальте. Родион подошёл, опустился на корточки.

– Сема, – позвал он. – Ты как сам?

Семочка поднял голову: один глаз заплыл, второй едва фокусировался, но нашел Родиона. Сема попытался улыб-

нуться, и разбитая губа треснула еще сильнее, выступила свежая кровь.

– Ро-о-одя, – выдохнул он, слово вышло с присвистом. – Ты че... ты че здесь?

– Не разговаривай, – сказал Родион, хватая его за руку. – Вставай, пошли.

Родион без труда поднял его на ноги, обхватив за талию. Под пальцами – острая лопатка, рёбра, проступавшие сквозь тонкую ткань футболки. Семочка пошатнулся, ухватился за плечо Родиона, пальцы впились в куртку с такой силой, что тот поморщился.

– Сам, – прохрепел Семочка. – Дойду.

Пошли. Ноги Родиона болели после бега, дыхание сбивалось, но он тащил Семочку вверх по улице, мимо тех же гаражей. Семочка хромал, наступая на левую ногу с осторожностью, и каждый шаг сопровождался тихим шипением сквозь сжатые зубы.

Общага показалась из-за поворота – серая, пятиэтажная коробка с осыпающейся штукатуркой, с клумбой, на которой вместо цветов росла полынь. Родион толкнул тяжёлую металлическую дверь, протяжный скрип разбудил эхо в коридоре.

Внутри пахло варёной капустой. На первом этаже, у вахты, сидела тётя Зина в очках и сборником sudoku, – и равнодушно скользнула по ним взглядом: видела в этой общаге всё, и ничто её уже не удивляло.

– Родя, – бросила она, – чего это твоего друга так приплюсовали?

– Упал он, – соврал Родион, не останавливаясь.

– Ну-ну, – сказала тётя Зина и снова уткнулась sudoku.

Второй этаж. Коридор длинный, с одной лампочкой на тридцать метров. Дверь комнаты не поддалась, замок заклинило. Родя дёрнул сильнее, дверь распахнулась, ударившись о стену с глухим стуком.

В комнате было тесно: две койки по углам, стол, заваленный книгами, шкаф. В углу старый холодильник гудел, как пьяный шмель. Родион уложил Семочку на свою койку, ближе к окну, тот упал на подушку, закрыл глаза и задышал часто, с присвистом.

– Лежи, – сказал Родион. – Ща.

Он скинул куртку, повесил на спинку стула, стараясь не смотреть на рукав с тёмными пятнами. Достал аптечку из шкафчика: бинты, перекись, вата, зелёнка. Всё старое, купленное ещё в прошлом году, когда он поранил руку на кухне.

Присел на корточки перед койкой, начал обрабатывать лицо Семочки. Перекись шипела на рассечённой брови, Семочка вздрагивал, но глаз не открывал.

– Аск! – зашипел Сема.

– Тихо, – сказал Родион. – Потерпи.

Он промокал ватой кровь. Пальцы дрожали, остановить это он не мог. Дрожь шла откуда-то изнутри, от позвоночника, переходила в руки, они становились непослушными, вата

выскальзывала из пальцев.

– Родя, – прохрипел Семочка, не открывая глаз. – Хреновый из тебя доктор.

Родион поднял глаза, встретился взглядом с открытым глазом Семочки. Боли в нём не было – просто усталость, делавшая взгляд ясным, несмотря на заплывший глаз.

Родион молчал. Взял чистый кусок ваты, начал промокать Семочке губу, но пальцы снова дрогнули, вата упала на пол.

– Родя, – сказал Семочка и медленно, с трудом приподнялся на локте, чтобы видеть его лицо. – Ты... ты чего? Ты какой-то... странный.

Родион молча взял бинт, начал перевязывать голову Семочке, затягивая узлы крепко. За окном, над крышами общаги, начал накрапывать новый дождь – мелкий, противный, стучал в стекло, разбивался на тысячи крошечных капель.

Глава 4. Ты теперь моя игрушка

Родион затянул последний узел, откинулся на пятки. Семочка лежал с закрытыми глазами, левая бровь стянута пластырем, под глазом набухал сизый кровоподтёк, но дыхание выравнилось, стало глубже, и Родион решил, что тот не умрёт по крайней мере сегодня. Пальцы перестали дрожать, когда он убирал аптечку.

Телефон завибрировал в кармане джинсов. Родион вытер руки о штанину, достал экран. Высветилось одно слово: «Мама». Он открыл сообщение:

«Сынок, мы с Дуней едем к тебе. У нас радость: Дуня выходит замуж за Лужина, он депутат, очень уважаемый человек. Будем через два дня. Подстригись. Целую».

Он читал и не мог понять смысла. Буквы складывались в слова, слова в предложения, а внутри головы было пусто. Перечитал ещё раз. «Пётр Петрович Лужин». Вспомнил эту фамилию из новостей. Она красовалась на билбордах, на агитационных листовках, расклеенных по городу перед выборами в заксобранье. Лицо круглое, с двойным подбородком и маленькими глазками, деланно серьёзными на глянце плаката.

Он сунул телефон обратно в карман, сел на пол, прислонившись спиной к ножке койки. Пол под ним холодный, линолеум с волнами, каждая отдавалась через тонкую ткань джинсов. В груди закипало: он попытался представить Дуню

рядом с этим человеком, и не смог. Попытался представить мать, которая пишет «уважаемый человек» и не замечает, что у него глаза как две изюмины, и получился, потому что мать всегда так писала: сначала о том, что кто-то «уважаемый», потом – что надо подстричься.

– Ты чего затих? – подал голос Семочка. Он приоткрыл здоровый глаз, взгляд метнулся на Родиона сверху вниз. – Кто там?

– Мать пишет, – сказал Родион, глядя в стену, где обои пузырились у батареи. – Говорит, сестра замуж выходит.

– Замуж? – Семочка попытался усмехнуться, скривился от боли. – Поздравляю. За кого?

– За депутата, – выдавил Родион. – Лужина.

– Пётр Лужин? – Семочка приподнялся на локте. – Это тот, который по телеку обещает построить мост через Суру и всё никак не построит?

– Не знаю, что он там обещает, – ответил Родион. – Я его никогда не видел. Но мать говорит, уважаемый человек.

Семочка хмыкнул, хмыканье перешло в кашель, он сплюнул в мятую газету, в которую Родион вчера чистил астраханскую воблу.

– Ну, бывает, чо, – сказал Семочка, вытирая губы тыльной стороной ладони. – Моя бывшая тоже вышла за уважаемого. Он потом пропил её стиральную машинку.

Сидели молча. Родион на полу, прислонившись спиной к койке, Семочка на самой койке. Гул холодильника заполнял

комнату, смешиваясь с шумом дождя, который то начинался, то затихал.

В коридоре кто-то громко, с хлюпаньем прошлёпал шлёпанцами, будто подошвы были мокрые и липли к полу. Шаги остановились, раздался женский, хриплый голос с резкими интонациями, режущими слух.

– Он опять свалил, да, – голосила девица, рассчитывая на аудиторию слушателей всего блока. – С ноутом! Сказал, на двадцать минут, а уже час! Я ему говорила, идиот, что если ты работу нормальную не найдешь, то пусть другую дуру ищет! Это вообще, нормально, да? Я чо, одна должна его тащить? Я ему чо – мамка?

Девица замолчала – видимо, слушала кого-то на том конце вызова. Потом затянулась сигаретой: вдох, пауза, выдох с шипением, будто воздух выходил через сжатые зубы.

– Да задолбалась повторять, – продолжала она, выдыхая дым, – раз такой хитросделанный, чеши работать, а он в доту рубится! Я сама работаю, ещё и его кормлю, а он...

– ...поехал на этой доте, прикинь, да? Спрашиваю: по деньгам чо? Жрать чо будем? А он мне: «Юль, за киберспортом будущее». Ушлепок! Будущее! Да у него будущее – это очередь в наркологию, вот всё его будущее. Я в том месяце нашла у него в телефоне переписку с каким-то Диманом – они там сборку на танк три часа обсуждали. Три часа! Я бы за три часа борщ сто раз сварила и полы во всей общаге помыла. А он мне: «Юль, ты не шаришь, это сохранёнки на буду-

щее». Сохранёнки у него, ага. У меня тоже сохранёнка есть – пачка пельменей, которую вся общага год как уже жрать боится!

Шлёпанцы снова прошлёпали – на этот раз в другую сторону, к окну в конце коридора, где стояла пепельница из банки Нескафе. Потом шаги затихли, хлопнула дверь комнаты.

Семочка приоткрыл здоровый глаз, взгляд упал на Родиона.

– Кто это? – спросил он шёпотом.

– Соседи, – ответил Родион, не поднимая головы. – Семейная комната. Напротив. Парень постоянно уходит с ноутбуком, а она ругается.

Через щель в двери с потрескавшейся краской просачивался свет из коридора. И вдруг шаги – на этот раз мужские, тяжёлые, уверенные, топавшие по коридору так, будто человек шёл а каждым шагом давил разбежавшихся по линолеуму тараканов. Шаги остановились прямо напротив их двери.

Родион поднял голову и услышал, как дёрнули ручку соседней комнаты – раз, второй.

– Открой! Я знаю, ты дома! – рявкнул вернувшийся дотер.

– А ты что, ключи потерял? В сохраненках поищи! – истерично завопила девица.

– Дверь открой, овца, – повторил дотер, и его терпение, прям как хилла в игре, подходило к концу.

Удар. Тяжёлый, глухой – кулак встретился с деревом. Потом ещё один, и ещё, и в промежутках голос девицы:

– Я ща ментов вызову!

– Давай! Мусорнись, сука! – Дотер продолжил долбиться в дверь, на этот раз ногой в шлепанце, который периодически слетал. Дотер надевал его и снова долбился в фанеру.

Родион медленно поднялся. Ноги затекли, в коленях хрустнуло, когда он выпрямился. Семочка вытянул шею от любопытства, когда шлепанец в очередной раз слетел с ноги дотера, и он наклонился поднять его, демонстрируя копилку на зднице из-под съехавших шорт болельщика Валенсии.

– Чо там? – спросил он тихо.

– Ща гляну, – ответил Родион без интереса.

Он подошёл к двери, приоткрыл шире. Свет в коридоре падал на мужскую фигуру перед соседней дверью. Парень невысокий, коренастый, в спортивных шортах без майки и с самопальными партаками занёс кулак на дверь, в которой уже наметилась вмятина.

Удар, еще удар и дверь сдалась. Раздался не громкий, но отчётливый треск ломающегося сухого дерева.

– Слышь, ты! – закричала девица из-за двери. – Грабли прибрал, я щас ты перцем подушу!

– Ногти не обламай! – ответил парень и ударил снова. На этот раз кулак пробил фанеру насквозь: пальцы исчезли в отверстии, оставив рваные края с зазубринами. Он дёрнул рукой, раздирая отверстие до самого замка, просунул ладонь внутрь, нашаривая защёлку.

– Родя, – раздалось из комнаты. Голос Семочки звучал

сдавленно, будто он сам не верил тому, что видел. – Он что, рукой дверь проломил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.